

РОССИЯ МЕЖДУ КИТАЕМ И США: МИРОПОРЯДОК, БРИКС, ИНТЕГРАЦИЯ В АТР

С.М. Труш

Нарастание взаимозависимости в конфигурации США — Китай — Россия, понимаемой как чуткое реагирование любой из сторон трехстороннего формата на процессы «в» двух других и «между» ними, в последние годы очевидно. С одной стороны, существует макроэкономическая и финансовая связка, переплетение отраслей, взаимообусловленность моделей развития Китая и США, а с другой — схожесть многих пространственных интересов Китая и России, диктующая высокую степень внешнеполитической координации между ними.

Менее ощутимы импульсы взаимного тяготения между США и Россией. При наличии «комплекса страха» перед системно чужеродной, политически проблемной и при этом ядерной Москвой, при наличии ситуативного желания США решать с ее помощью проблемы в горячих точках или ядерно-пороговых странах отсутствует пока развитая структура «позитивных» интересов США в отношении России. И наоборот: российской элите, если говорить о ее нынешних целях, Соединенные Штаты нужны лишь, помимо ядерных гарантий, для легитимации ее собственного статуса внутри страны и «порядка» на постсоветском пространстве. Как показала негативная динамика отношений между РФ и США после российских выборов 2011/2012 гг., при отсутствии такой легитимации возникают острые двусторонние проблемы.

Между тем давно назрела необходимость новой, позитивной повестки дня между Соединенными Штатами и Россией перед лицом нарушения мирово-

го порядка, диффузии политической и военной силы, нарастающей дестабилизации Центральной Азии и Большого Ближнего Востока, обострения ресурсного и продовольственного голода, проблем планетарной экологии. Именно новая повестка дня, а не «перезагрузка» старой способна придать этим отношениям устойчивость и перспективу.

Идея китайско-американской «большой двойки», при всей ее иллюзорности, была многозначной. Она появилась не только как креативный компонент внешнеполитической программы Б. Обамы, но и как очевидное проявление «ревности» Белого дома в связи с нарастанием российско-китайского «братства». Элементы этой ревности очевидны даже в деталях. В подходе Б. Обамы к Китаю присутствует явное стремление соперничать с Россией в мягкой силе на китайской площадке. Многие из озвученных при Б. Обаме инициатив в отношении КНР явно навеяны аналогами в китайско-российских отношениях (Годом России в Китае в 2006 г., Годом русского языка в Китае в 2009 г. и т.п.). В ходе первого государственного визита Б. Обамы в Китай в 2009 г. было объявлено о перспективной программе научных, культурных и бизнес-обменов с КНР, ориентирующихся на присутствие в КНР 100 000 американцев. Акцент на всесторонности полифоничности отношений с КНР, включая сильный идеологический компонент, отличал Б. Обаму от М. Ромни в ходе их предвыборной полемики по «китайскому» вопросу в 2012 гг.

С другой стороны, успехи экономического взаимодействия Китая с Амери-

кой, почти полутриллионный товарооборот между ними, психологически давят на Россию. Москва гораздо сильнее Китая озабочена провисанием своей с ним торговли, ее архаичной структурой. Причем оргвыводы, которые из данного факта делаются московской бюрократией, пока мало коррелируют с глубинными российскими интересами. Планы довести оборот торговли до 200 млрд долл. к концу десятилетия, которые часто фигурируют в российско-китайских коммюнике с 2011 г., если и будут достигнуты, то, скорее всего, за счет российской энергосоставляющей и китайского экспорта, не оздоровив существующие для Москвы дисбалансы. В экспертных кругах резонно отмечают, что искусственная «накачка» товарооборота в условиях разнородных экономик РФ и КНР на руку в первую очередь китайской мировой «фабрике».

Мотивы для стратегической ревности Китая к Москве также существуют: он с настороженностью следит за диалогом Россия — НАТО, его резонно нервируют инициативы РФ по совместным с НАТО и США программам ПРО, хотя и малопродуктивным к настоящему времени. Китай с напряжением наблюдает за взаимодействием РФ, США и НАТО по логистике, транспортировке грузов и борьбе с наркотрафиком в Афганистане, пусть локально и ограниченно трактуемых Москвой. Внутри китайской элиты много и других сомнений: действительно ли уходит в прошлое «однополярность» или США справятся с временным ослаблением; какова глубина финансово-экономического кризиса в западном мире; уйдет ли Россия из тесного взаимодействия с КНР, «сдвинется» ли в сторону Запада; целесообразно ли Китаю идти на тесные партнерские отношения с Россией и ЕС, чтобы уравновесить свою позицию против Америки; применим ли марксистский метод для анализа современной международной действительности.

Трехсторонние «ревности» и сомнения — тривиальный факт дипломатической реальности. Более важным следует считать присущие Китаю и России как субъектам мирового хозяйства дисгармонии — по типу экономики, мотивам и темпам экономического роста, по композиции отраслей, уровню индустриальности и инновационному потенциалу, по методам управления, различной встроенности в мировой товарообмен и финансовую архитектуру, по различной ресурсно-сырьевой обеспеченности. Эти дисгармонии уже сейчас (или в перспективе) могут проявиться между Москвой и Пекином в их подходах к ключевым вопросам строительства нового мирового порядка, в трактовке ими США как ключевого элемента этого миропорядка.

Мировой экономический кризис актуализировал вопрос о механизмах, структурах и принципах мироуправления. Обещанный «конец истории» не состоялся. Элита США переосмысляет пределы своих возможностей и роль США в международной системе, уходит от не соответствующей этим возможностям «однополярности» и силовой дипломатии, развивает кооперационные начала и элементы «мягкой силы», по-иному интерпретирует действия других участников международных отношений. Вместе с тем США ничего не предпринимают для отхода от своей лидирующей, а где-то монопольно регулирующей роли в международной системе. Отказываться от этой роли, вопреки существующим у Америки огромным возможностям, эта страна не намерена.

Китай и Россия в числе других стран, не удовлетворенных уровнем своей влиятельности и включенности в мировые дела, являются наиболее активными критиками «однополярности». Их обоих не устраивает блоковое структурирование интересов средних и малых стран (будь то НАТО или американоцентричные альянсы Азии), несовершенства мировой экономической и финансовой архитектуры,

закрепляющие интересы «старых» индустриальных стран, доминирование европоцентричных концептов и моделей социального устройства, развития, духовной культуры.

Москва и Пекин демонстрируют стойкую связку в альтернативных «восьмерке» форматах — группе БРИКС и «двадцатке», хотя устойчивость этих форматов, их способность обрасти дееспособными механизмами мирорегулирования — тема дискуссионная.

Китай — это динамично развивающаяся, индустриализующаяся страна. В силу своих демографических параметров и необходимости «восходящего» обслуживания растущей человеческой массы он запрограммирован на ускоренный экономический рост. Суммарные темпы роста ниже 7–8% при нынешних социально-экономических характеристиках китайского социума, уровне эффективности многоукладной экономики суицидальны для его стабильности. Этот высокий рост реализуется на базе экспортноориентированной модели развития: на экспорт приходится до 40% китайского ВВП. Стране жизненно необходимы выгодные для внутреннего производства условия обмена с внешним миром и растущие объемы сырья при высокой ресурсоемкости экономики. Выдвинутая в последние годы задача перехода КНР к новой парадигме роста с опорой на внутреннее потребление, во-первых, долгосрочная задача, во-вторых, не менее ресурсоемка, в-третьих, не может осуществляться «в чистом виде», с отказом от массивного экспорта.

Сложившиеся в прошлом политико-стратегические конфигурации, условия ценообразования и режим контроля над ключевыми сырьевыми зонами мира коренным образом не устраивают Китай. Это делает его очевидным разрушителем глобального *status-quo*, энергичным реформатором международной системы. На волне западного кризиса и ползущей рецессии Китай активнее выдвигает

свои критерии «гармоничного» мира и «ответственного» поведения. Подобная активность прослеживается практически во всех направлениях китайской внешней стратегии: в растущем присутствии на рынках и финансовых биржах США, ЕС и Японии, в валютном споре с США, в завоевании приоритетного партнерства с АСЕАН, в энергичной экономической дипломатии в других регионах мира (в Центральной Азии, Африке, Латинской Америке, на Ближнем Востоке), в амбициозной космической программе, в расширении китайского культурно-гуманитарного присутствия в мире, в территориальных спорах по периметру своих границ.

Россия — в силу своих геоэкономических особенностей (обширной территории, достаточных сырьевых ресурсов, евразийского расположения, уровня индустриального развития и композиции своей, преимущественно «советской», экономики), в силу проевропейской ментальности нынешней российской элиты — разделяет частично некоторые реформаторские начинания Китая в отношении мирового порядка, однако имеет здесь и свои собственные мотивации.

Не будучи жестко мотивирована демографией, безальтернативной потребностью форсированного роста и экспортноориентированного производства, Россия в меньшей степени зависима от мирового экспортного рынка и не так сосредоточена на глобальных условиях товарообмена, его валютно-финансовых измерениях, в силу чего китайско-американский спор о валюте для нее малоактуален. Ее встроенность в мировую экономику пока определяется экспортом энергоносителей, где условия ценообразования носят более сбалансированный характер и зависят от глобально взвешенных циклов производства и потребления.

Ставя задачу не индустриальной, а смешанной, индустриально-постиндустриальной модернизации, учитывая все замедления и потери в

промышленном производстве в постсоветский период, Россия испытывает стойкую потребность в сохранении и поддержании конструктивных отношений с США, ЕС и Японией, которые, при лучших сценариях, могут выступать в качестве интеллектуального и материального ресурса такой модернизации. Китай, при всех своих материальных активах, пока в меньшей степени обладает инновационным ресурсом. Он, в лучшем случае, может инвестировать в российскую модернизацию, что делает до сих пор весьма дозированной.

В силу этих обстоятельств для России неорганично и стратегически деструктивно идти в фарватере радикальных, цивилизационно антизападных настроений в реформировании мирового порядка, присущих и части китайской элиты. Россия должна иметь не радикальную, но эволюционную, ориентированную на ее собственные интересы повестку дня в кардинальных вопросах миропорядка (институтах управления, условиях глобального товарообмена и ценообразования, принципах валютного регулирования, роли, статусе и составе СБ ООН, в региональных интеграционных структурах — с полнокровным и сбалансированным участием в них и США и Китая).

Участие России в многосторонних форматах по типу БРИКС необходимо для реализации ее базовых интересов и не имеет разумной альтернативы. Именно в данных форматах могут найти свое отражение и опору ее интересы, особенно та их часть, которая не совпадает с американскими: адекватное развитие военного потенциала РФ; продуктивные отношения со странами СНГ; законные интересы РФ в ключевых регионах мира; справедливые, с точки зрения Москвы, условия экономического обмена; регулирующая роль международных институтов типа МВФ. Вместе с тем не в интересах России будет использование этих форматов (Китаем либо другими участниками) против Соединенных Штатов или для

выдавливания США из региональных и функциональных подсистем.

Россия также должна быть готова к тому, что наряду с многими общими ключевыми интересами стран БРИКС (многополярностью, демократизацией глобального управления, перестройкой экономического порядка, уходом от «монополизированной глобализации», реформой глобальных финансовых институтов), между Москвой и другими участниками группировки проявятся и диссонансы интересов. Как и в случае с Китаем, эти диссонансы могут происходить из различия геоэкономических характеристик, разных типов экономик (по композиции отраслей, уровню индустриальности, методам управления), различной встроенности в мировой товарообмен и финансовую архитектуру, различной ресурсно-сырьевой обеспеченности, из различий цивилизационного характера. Будучи единственной страной традиционного индустриального Севера в числе наиболее динамичных и самодостаточных «южных» стран в составе БРИКС, Москва может оказаться в изоляции, а Китай, как самая мощная экономика и успешная модель развития, приобретет в БРИКС положение «первого среди равных». Эти диссонансы могут привести к тому, что, опираясь на поддержку нероссийской части БРИКС, Китай на каком-то этапе сможет активно лоббировать традиционно существующие на мировом Юге идеи и концепты, противоречащие российским интересам, например тезис о «планетарно справедливом» использовании сырьевых и биоресурсных кладовых планеты, включая регионы Сибири, Дальнего Востока и северной Арктики; идею о первоочередном разоружении наиболее «смертоносных» стран — США и России; другие концепты глобально-популистского, «антиглобалистского» характера. В случае активного разворачивания БРИКС в антиглобалистском направлении Россия без поддержки

США окажется в затруднительном, изолированном положении.

Говоря о сценариях «выдавливания» США из отдельных регионов или функциональных подсистем, следует особо остановиться на сюжете, имеющем ключевое значение для российских интересов. Это проблема индустриального и постиндустриального развития Восточной Сибири и Дальнего Востока, встраивание этих регионов в зону ускоренного развития АТР. В этом регионе Россия реально может столкнуться с необходимостью выбирать из двух потенциальных интеграционных форматов. Центральным государством одного из таких формирований в АТР может стать Китай на базе соглашений «АСЕАН–Китай» и «АСЕАН плюс», а другого — США на базе активно продвигаемого в последнее время формата Транстихоокеанского партнерства (ТТП)¹. Перспектива такого «двухъядерного», по сути блокового, интеграционного сценария в АТР в корне противоречит интересам России, которые, если говорить о главном, заключаются в многостороннем инвестиционном участии главных акторов региона в программах развития Восточной Сибири и Дальнего Востока и в том, чтобы это участие не сдерживалось никакими блоковыми ограничителями. Этот тезис являлся основным смысловым ядром позиции России, озвученной в ходе саммита АТЭС в сентябре 2012 г. во Владивостоке.

Перспектива быстрой реализации Россией задачи ускоренной индустриализации Сибири и Дальнего Востока отсутствует. Деграция восточносибирской и дальневосточной части России носит системный характер и вряд ли преодолима в течение одного-двух поколений.

В экспертном сообществе существует точка зрения, что для существенных геоэкономических сдвигов в данной области России нужны прорывные неортодоксальные решения, например предоставление региону высокой степени

экономической, административной и хозяйственной самостоятельности, вплоть до придания ему статуса «особой идентичности», подобно дэнсяопиновской формуле «одна страна — две системы».

Но понятно и другое. При нынешней степени стабильности Российского государства, устойчивости его политической и деловой элиты социальная цена для такого пути развития Дальнего Востока может быть запредельной. Она может поставить под вопрос выживаемость и самодостаточность России в ее нынешних евразийских границах. Подобный путь приемлем лишь для сильной страны, находящейся в социально-политической гармонии. В России на данный момент нет институционального фактора (по аналогу с Коммунистической партией Китая), который смог бы сработать на удержание балансов в политической системе, нет однородной социально-политической элиты, нет структурированного среднего класса с адекватными политическими интересами и способностью их защищать. Поэтому Россия должна, скорее, склоняться к паллиативным, эволюционным формам решения проблемы развития Дальнего Востока в рамках приоритетов, уже обозначившихся за последние два десятилетия. К таким приоритетам относятся: 1) догоняющая индустриализация и совершенствование местной инфраструктуры; 2) развитие ресурсно-сырьевой базы с ориентацией на внешние инвестиции; 3) преодоление социальной и демографической деграции региона; 4) поиск ниш для встраивания Дальнего Востока в «новую экономику» АТР.

Проблема российского Дальнего Востока, при всех отмеченных выше «отягчающих» обстоятельствах, входит, хотя и с разной долей приоритетности, в повестку дня всех ключевых держав региона. В первую очередь, она значима для КНР, США и Японии. Каждая из стран имеет на эту проблему свои проекции. Каждая из них отдает себе отчет в том,

что Россия, при всех своих региональных экономических проблемах, является и крупным, и перспективным, и специфическим (евразийским, трансконтинентальным, богатым ресурсами) игроком на политической карте Восточной Азии. Все эти страны логикой своих прагматических интересов готовы политически и экономически «вкладываться» в эту проблему — разумеется, в определенной мере и на определенных условиях. Связующий их интерес (в силу высокой приоритетности этой темы для России) заключается в том, чтобы не уступить другим региональным конкурентам Россию в качестве важного потенциального партнера и попутчика, максимально успешно «продать» свое участие (и самой России) и в интеграционных конфигурациях АТР, и в глобальной раскладке сил. Фактор такой конкуренции — действенность, которую не стоит ни переоценивать, ни игнорировать, — разумеется, благоприятствует российским интересам.

Китай — ближайший и наиболее динамичный сосед РФ, рассматривающий прилегающие к нему обширные пустынные, ресурсно-перспективные зоны России в качестве экономических пространств, естественно тяготеющих к китайскому ядру. Как минимум, Китай на нынешнем этапе своей эволюции хотел бы видеть себя в этой зоне России в качестве доминирующего хозяйственного игрока, потребителя по льготным ценам основной доли производимых здесь ресурсов, в качестве ключевого экспортера и привилегированного инвестора. Как максимум, Китаю хотелось бы сформировать стойкое геоэкономическое тяготение этого региона в сторону КНР, придав этому тяготению преимущественно ресурсно-сырьевую направленность, с отсутствием конкурентных производств, с проницаемыми для экономической эмиграции границами, с существенной степенью хозяйственной и административной автономии ДВ от европейского центра России.

США борется в регионе с КНР и старается контролировать также Японию. Не рассматривая регион российского ДВ столь же приоритетно, как Китай, с точки зрения своей геоэкономики, США, тем не менее, не склонны следить за его судьбой безучастно и готовы направить «под российскую проблему» определенные финансовые ресурсы. Геоэкономический и стратегический интерес США заключается в недопущении бесконтрольного расширения юаневой зоны в АТР, тем более в таком ее регионе, где присутствие китайцев не является ни исторически, ни этнически бесспорным, а условия конкуренции — примерно равными.

США готовы пойти, просчитав необходимые затраты, на создание регионального «концерта интересов» в геоэкономическом развитии российского ДВ, максимально сковывая, замедляя или блокируя китайскую инициативу в угоду своим общестратегическим интересам. В отличие от КНР, США готовы вкладываться, дозируя свое участие и выбирая наиболее перспективные системообразующие проекты, не только в сырьевые сектора и в первичную переработку сырья, но и в транспортную и энергетическую инфраструктуру, относительно современные и конкурентоспособные с КНР производства — предположительно в химической, автомобильной, микробиологической и электронной промышленности. Американский бизнес уже сейчас проявляет интерес к таким транспортным и инфраструктурным проектам, как увеличение грузоподъемности российских портов на Тихом океане, содействие строительству российских железных дорог (Северного Транссиба, «Трансполярной магистрали», «Берингова моста»). Его интересует создание зон свободной торговли на Беринговом море, между Аляской и Чукоткой.

Япония, в силу территориальных противоречий с РФ и неурегулирован-

ности политических отношений, давно переориентировала свои региональные экономические приоритеты, в первую очередь сырьевые, в иных направлениях (ЮВА, Ближний Восток, Африка, Латинская Америка). Для японского бизнеса зона российского ДВ в инвестиционном плане не является первоначально привлекательной, хотя после Фукусимы ее приоритетность заметно повысилась. Японская экономика испытывает трудности, сокращение внутреннего спроса. Она испытывает жесткое давление китайских товаров на азиатских и глобальных экспортных рынках, хотя во многих товарных и экспортных нишах, в первую очередь в наукоемких и высокотехнологичных продуктах, позиции японских производителей чрезвычайно сильны.

В таком контексте мотивов и интересов Япония не способна выступать на российском Дальнем Востоке в качестве опорного для России игрока, но в целом она могла бы подключиться к определенным проектам развития дальневосточной экономики в русле «концерта интересов». Япония могла бы участвовать здесь в проектах, гармоничных для ее интересов, и конкурировать с китайским капиталом за счет сильных сторон японского бизнеса — высокой и современной технологичной базы, гибких условий по локализации производства, опоры на местную рабочую силу, развитой товаропроводящей сети, — которые не всегда готов предложить Китай. В отличие от последнего, Япония может создавать на территории РФ производства, способные составить конкуренцию ки-

тайским производителям на российском рынке и рынках АТР.

Отмеченные выше обстоятельства позволяют говорить о том, что в настоящий момент конфигурация стран и мотивация ключевых игроков в АТР имеют благоприятные для России стороны, и их необходимо использовать. Ситуация, когда никто из ключевых игроков — ни Китай, ни США, ни Япония — не заинтересованы в превалировании своего партнера-оппонента по АТР на российской локальной площадке, создает возможность для России использовать эти противоречия в своих интересах. При всей ограниченной приоритетности дальневосточных проектов для этих стран, интерес к проектам нельзя назвать полностью нулевым. Идея «концерта экономических интересов» этих стран в российских проектах, основанная на недопущении чьего-либо внешнего доминирования в развитии российского Дальнего Востока, должна быть максимально отработана российским руководством. Ситуативно, исторически такая внешнеполитическая обстановка может быстро измениться — в силу динамики основных контрагентов, крупного международного кризиса (например, вокруг ситуации на Корейском полуострове или потенциального кризиса вокруг Тайваня) или ухудшения глобальной макроэкономической ситуации.

Россия должна придерживаться четкой, рационально выверенной траектории движения между складывающимися полюсами будущего миропорядка соотносительно всей гамме своих интересов, ресурсов и открывающихся возможностей самодостаточного развития.

¹ Переговоры о создании ТТП ведут США, Австралия, Малайзия, Чили, Новая Зеландия, Сингапур, Бруней, Вьетнам и Перу. Планы подключения к ТТП, находящиеся в разной степени проработанности, озвучили Канада, Мексика и Япония.